

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ О ВОЙНЕ. ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

*К 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

Материалы XX Шешуковских чтений

МПГУ
Москва • 2015

УДК 82.09
ББК 83.001
О-82

Редакционный совет

Людмила Александровна Трубина (научный редактор)
проректор МПГУ, доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской литературы

Янина Викторовна Солдаткина (научный редактор)
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы

Елена Юрьевна Лазарева (ответственный редактор)
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы

Печатается при поддержке РГНФ. Проект № 15-04-14067

Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания : К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : Материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л.А. Трубиной. — Москва : МПГУ, 2015. — 408 с.
ISBN 978-5-4263-0302-7

В сборнике собраны статьи участников юбилейной конференции «XX Шешуковские чтения». В центре научной проблематики конференции — военная тема в отечественной словесности: философские и историософские основы осмысления военных событий в литературном тексте, формирование традиций изображения войны в русской литературе, этико-эстетические поиски в литературе о войне, современные литературные и журналистские подходы к прочтению военной темы, особенности преподавания литературы о войне. Издание посвящено 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, а также Году литературы и юбилеям М.А. Шолохова, К.С. Симонова, С.С. Смирнова, А.Т. Твардовского, В.С. Гроссмана, Д.С. Самойлова, И.А. Бродского, С.А. Есенина.

УДК 82.09
ББК 83.001

ISBN 978-5-4263-0302-7

© МПГУ, 2015

S. Yu. Preobrazenskij. Russian Peoples' Friendship University

Messengers of War: on Abandoned Big Narratives (P. Kogan, "Pervaya tret")

The article discusses the main narrative parameters of P. Kogan's poem "Pervaya tret" from the point of view of the way these parameters reflect the claim of the poem for the place of metanarrative of Soviet literature. Mythologizing the historic time, the utmost topographical centrism, canonization of eternal and new classics are the traits of the "big narrative" which finally has not been created.

Keywords: Pavel Kogan, metanarrative, narration, focus, topos, chromos.

П. Витчак

Быдгощ (Польша)

О ФИЛОСОФИИ ГЕНЕЗИСА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОЗЫ МАРКА АЛДАНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «НАЧАЛО КОНЦА»)

В настоящей статье рассматривается генезис Второй мировой войны в восприятии Марка Алданова — представителя первой волны русской эмиграции. Писатель в романе «Начало конца» утверждает, что в кризисе европейской цивилизации виноваты большевики. Алданов составляет собственную философию истории, суть которой заключается в повторяемости исторических событий.

Ключевые слова: Марк Алданов, русская эмиграция, вторая мировая война, философия истории.

Тема Великой Отечественной войны привлекала пристальное внимание многих советских писателей 60–80 гг. XX в., что справедливо отмечали в своих научных трудах как российские, так и польские исследователи. Несмотря на большое количество работ, посвященных этой теме, все время проблема литературного осмысления Второй мировой войны остается актуальной, особенно ныне в год 70-летия завершения войны. Образ Великой Отечественной войны возникает также на страницах произведений представителей русского зарубежья [12]. Большой интерес к теме, связанной со Второй мировой войной проявляли писатели второй и третьей волны эмиграции. Среди них стоит выделить такие имена как: Александр Солженицын, Василий Аксенов, Леонид Ржевский,

Михаил Коряков, Сергей Максимов, Сергей Юрьенен, Георгий Владимов, Виктор Некрасов и др. Особенно вторая волна эмиграции и ее литература до сих пор была мало исследована литературоведами, но она возвращается вновь, о чем свидетельствует хотя бы антология писателей ДИ-ПИ и второй эмиграции «Восставшие из небытия» Владимира Агеносова. История, большевистский переворот 1917 года — это лейтмотив литературы первой волны русского исхода. Творческая интеллигенция, бежавшая из России в результате «окаянных дней» (определение Ивана Бунина от его книги «Окаянные дни»), обратилась, прежде всего, к теме октябрьской революции и ее последствий. Среди представителей «белой эмиграции» о Второй мировой войне писали, между прочим: Борис Зайцев, Иван Бунин, Нина Берберова, Иван Ильин, Марина Цветаева, Марк Алданов и другие.

М. Алданов, в отличие от большинства других представителей первой волны русской эмиграции, все свое творчество (художественную литературу, публицистику, философские трактаты) посвятил историческим проблемам. В этой связи, многие критики указывают на стилистическое сходство между творчеством Алданова и Льва Толстого [10, с. 87–88]. Сам Алданов также подчеркивал, что ценил талант Толстого, а самым большим достижением русского классика считал эпопею *Война и мир*. Алданова называли обновителем жанра исторического романа, но, точнее говоря, его книги — это не обычные исторические романы, а романы историко-философские или историко-психологические. По мнению Г. Струве: «...в этом их существенное отличие от исторических романов Мережковского, где психологии мало, а история подчинена априорной религиозно-философской концепции» [13, с. 89]. В отличие от многочисленных исторических романов, в которых главными элементами являются действие и занимательность, Алданов больше места уделяет психологии своих героев и стилю. Писатель, в связи с вышесказанным, в рецензии на книгу *Эрегия* Павла Муратова, о сущности исторического романа сказал следующее: «Искусство исторического романиста сводится (в первом приближении) к освещению внутренне-

стей действующих лиц и к надлежащему пространственному их размещению — к такому размещению, при котором они объясняли бы эпоху, и эпоха объясняла бы их» [3, с. 404].

Более глубокий подход Алданова к истории и войне содействовал выработке своеобразной философии истории. Своего рода итогом нравственных взглядов эмигранта является философский трактат *Ульмская ночь. Философия случая* (1953), построенный по принципу диалога, участниками которого являются А. и Л. А. — первая буква псевдонима писателя, Л. — первая буква его настоящей фамилии (Ландау), тем самым можно прийти к выводу, что автор ведет разговор с самим собой. Две основные идеи, изложенные в *Ульмской ночи*, это: 1) идея случая, властвующего потоком истории; 2) идея повторяемости событий. Алданов доказывал на страницах своих произведений, что люди не меняются веками, меняется только пространство, в котором приходится им жить. Обращал на этот факт внимание также Владимир Вейдле, который писал: «Люди привлекают его [Алданова — П.В.] не поскольку они неповторимы, а поскольку они повторяются» [7, с. 473]. А. Чернышев — хороший знаток творчества Алданова — добавляет, что оригинальность алдановской философии истории состоит в том, что: «нет никаких предопределенностей, нет поступательного развития общества, прогресса» [15, с. 12]. Тем самым понимание истории Алданова совпадает с теорией Зигмунда Фрейда и с его «моделью аналогии» исторического процесса. Немецкий ученый воспринимал историю как реминисценцию того, что уже случилось; как постоянное возвращение к отправной точке [16, с. 79]. Таким образом, Алданов и Фрейд понимали историю не как прогрессивный, а как регрессивный процесс.

Исходя от теоретических основ философии истории Алданова, можем перейти к осмыслению писателем определенных исторических событий. В истории Алданова интересовали только переломные моменты: революции, перевороты, войны. Чтобы объективно оценить политические события, нужна временная дистанция. Поэтому Алданов, всегда опираясь на документы, писал о минувших эпизодах истории:

февральской и октябрьской революциях (трилогия *Ключ—Бегство—Пещера*, 1930—1936), Великой французской революции (тетралогия *Мыслитель*, 1923—1927), весне народов (*Повесть о смерти*, 1969), убийстве Павла I (*Заговор*, 1927) и др. Современность писатель комментировал в публицистических статьях. Исключением являются два романа: *Начало конца* (1938 — первая часть) и *Живи как хочешь* (1952). В первом из них повествуется о периоде накануне Второй мировой войны, во втором речь идет о первых годах после ее завершения. В настоящей статье анализу подвергнем роман *Начало конца*, так как Алданов рассказывает в нем о генезисе Второй мировой войны метафорическим и оригинальным способом.

О том, что его новый роман должен рассказывать не о прошлом, а о текущих событиях, Алданов решил в половине 1930-х гг., когда в Германии, уже при Гитлере, запретили читать его книгу *Пещера*. Первая часть *Начала конца* отдельным изданием вышла в Париже в 1939 г., раньше с 1936 г. публиковалась на страницах «Современных записок». В первый раз на русском языке полный текст романа был выпущен в Москве в 1995 г. [8, с. 112].

Выбор современности на фон для описываемых действий привел к тому, что Алданов начал пользоваться новыми художественными приемами. В предыдущих произведениях писатель часто сопоставлял исторические и выдуманные персонажи, показывая, что история безжалостна как для «маленьких людей», так и для личностей, таких как Наполеон, Екатерина II или Ленин. Все герои *Начала конца* — это фиктивные лица. Алданов отдавал себе отчет в том, что он не в состоянии объективно и убедительно написать о тогдашних политических деятелях. Кроме того, главный объект художественного осмысления в *Начале конца* — это не судьбы героев романа, а отражение напряженной атмосферы 1930-х гг., политической ситуации и социально-психологического состояния общества. Выдуманные лица не отвлекают внимания читателя от сути произведения. Однако, стоит добавить, что маститым политическим именам межвоенного периода Алданов посвятил свои публицистические статьи. Писатель до Второй ми-

ровой войны выпустил очерки: *Сталин* (1927) и *Гитлер* (1932), а потом еще *Уистон Черчилль* (1941) и *Мир после Гитлера* (1957).

Роман *Начало конца*, как и большинство других беллетристических произведений Алданова, составлен из двух сюжетных линий. Каждая из них могла бы существовать как самостоятельное произведение, причем, прочитанные вместе, они дают полный образ художественного замысла автора. Они пополняют друг друга. Первая сюжетная линия имеет исторический характер, в ней повествуется о советских людях, оказавшихся в Западной Европе по служебной надобности. Это люди близкие Кремлю: советский посол, большевик-революционер и дипломат — бывший генерал царской армии. Все они пожилые, что не остается без значения. Находясь в чужом пространстве и предчувствуя приближающееся начало конца собственной жизни, герои Алданова способны подвести ей итоги. Вторая фабулярная линия, своеобразный роман в романе, более фиктивная, в ней речь идет об убийстве. Хотя Алданов этому эпизоду уделяет меньше внимания, на наш взгляд, он не менее важен и позволяет целостно раскрыть восприятие писателем событий 1930-х гг.

Изображая в *Начале конца* убийство, Алданов явно ссылается на *Преступление и наказание* Федора Достоевского. На интертекстуальный диалог Алданова с творчеством русского классика XIX столетия ученые упоминали уже неоднократно [10, 24], однако раньше инспирации Достоевским не были так однозначны. Георгий Адамович в связи с этим отмечал: «Замечательно, однако, что при внутреннем безразличии Алданова к Достоевскому он кое в чем ближе к нему, чем к Толстому, которого считает своим учителем» [1, с. 146]. Сам Алданов, в уже упомянутой *Ульмской ночи*, подчеркивал гениальность *Преступления и наказания*, однако, одновременно он указывал также на недостатки романа Достоевского. Алданов обратил внимание на факт, что убийца у Достоевского симпатичнее жертвы. В очерке *Черный бриллиант (О Достоевском)* Алданов констатирует: «Он (Достоевский — П.В.) рассказал, например, убийство Алены Ивановны так, что самый благонаправленный читатель не в состоянии

мысленно отделить себя от убийцы. Раскольников другого ничего не мог сделать: должен был взять топор и зарубить старуху-процетщицу» [5, с. 157].

В *Начале конца* убивает Альвера — молодой эмигрант испанского происхождения, с детства живущий во Франции. Его жертвой становится месье Шартье — работодатель Альвера, в отличие от старухи Достоевского, он человек вежливый и добрый. Как и в *Преступлении и наказании*, в *Начале конца* убийство совершено ради денег, однако можно назвать и другую, более глубокую его причину. Альвера одержим идеей убийства, он «типологически родственен идеологу Раскольникову» [9, с. 36]. Идея Альвера — это «убийство научное», чисто техническое, совершаемое без всяких эмоций и без определенной причины. Алданов дает в тексте явные ссылки на роман Достоевского и ведет с ним постоянный диалог. Альвера, готовясь к убийству, носит с собой книгу *Преступление и наказание*, из которой вырвал страницу, чтобы поупражняться в стрельбе. Героя Алданова удивляет то, что Раскольников после совершения хорошо обдуманного преступления из-за угрызений совести сам решил признаться в совершенном убийстве. По этой причине Альвера называл Раскольникова «кретином». Протагонист романа Алданова утверждает, что он убьет «назло Достоевскому» и не повторит ошибок Раскольникова. Альвера пытается доказать, что убийству не нужна никакая высокая идеология, которую пытался создать Раскольников: «Да, все дело лишь в том, чтобы придать убийству совершенно привычную форму. [...] Хорошо было бы для опыта застрелить собаку. Ощущение должно быть, в сущности, почти такое же, и главное отличие относится на счет страха гильотины. Убить человека очень просто: при некоторой привычке убивать можно так, как мясник убивает вола, без дешевеньких рассуждений, без Наполеона, без чьих-то открытий» [4, с. 152].

Помимо того, что Альвера придал своему преступлению «привычную форму», он попал в тюрьму и погиб на гильотине. Алданов мысленно отдал своего героя в руки полиции. В статье *Из записной книжки* писатель упрекает Достоевско-

го в том, что он почти не уделяет внимания наказанию Раскольникова: «Достоевский хорошо знал, что такое каторга. Описывать ее здесь по-настоящему значило бы вызвать безнадёжную путаницу во всем замысле романа. Наказание стало бы тоже преступлением, и от злополучной идеи «очищения страданием» осталось бы, вероятно, немного. Пришлось бы очистить страданием и каторжное начальство» [15, с. 24].

Как эксплицировал Н. Бердяев: «Зло не внешне карается, а имеет неотвратимые внутренние последствия. [...] Муки совести страшнее для человека, чем внешняя кара государственного закона» [6, с. 61]. Поэтому Достоевский отказывался от изображения наказания, которое становилось бы также преступлением. Писатель верил, что человек в состоянии сам наказать себя, глубоко переживая свои грехи. В случае алдановского убийцы, нельзя говорить ни о каких угрызениях совести, о внутреннем и самостоятельном наказании. Альвера доволен своим поступком даже после приговора к смертной казни. Поэтому в этом случае наказание должно прийти со стороны правительства.

В критической литературе появлялись мнения, что Алданов, повторяя сюжет *Преступления и наказания*, исправлял Достоевского. По мнению Ж. Тассиса, Алданов обратился к *Преступлению и наказанию*: «Потому, что философия, иллюстрированная в этом романе, его не только не убеждала, но и раздражала [...] Алданов прямо создает свой вариант Раскольникова, чтобы показать всю нелепость поведения убийцы в романе Достоевского» [14, с. 152–154].

На наш взгляд, швейцарский ученый слишком упрощает интерпретацию этой сюжетной линии *Начала конца*. Истории Альвера и его преступления нельзя рассматривать вне широкого контекста ведущей фабулярной линии романа. Вспомним, что фон для описываемых Алдановым действий, составляют 1930-е гг., т. е. период, когда все сильнее ощущается угроза Второй мировой войны. Многие начинают понимать, что агрессивная политика Гитлера может принести конец тогдашнему миру. Европейская цивилизация в 1930-е гг. зашла в тупик, переживала сильный кризис и один из мрач-

нейших периодов своей истории, что привело к деградации общества и появлению людей подобных Альвера. Убийца Алданова — это представитель общества нового типа, члены которого не способны к раскаянию. Подобных Альвера много. Алданов утверждает: «по улицам... с наступлением ночи, уже бродят всякие темные, таинственные, страшные люди и замышляют ужасные преступления» [4, с. 214]. Опасно, что люди подобные Альвера появляются также и среди управляющих. К ним можно причислить и Гитлера, и Сталина, которые волей судьбы, захватили власть в Германии и советской России. В 1936 г., дописывая вступительные строчки к статье о Гитлере, Алданов констатировал: «Благодаря хитрости и смелости он [Гитлер — П.В.] добился немалых результатов в области внешней политики. Германия вооружилась, и разговор с ней стал у всех другой. Но мощная армия, флот, аэропланы все-таки лишь средство, а не цель». [2]

Как быстро оказалось, целью было уничтожение мира, что Алданов также предчувствовал, пророчески заявляя: «Вероятность войны в Европе теперь [1936 г. — П.В.] неизмеримо больше, чем была четверть века тому назад» [2].

В конце наших рассуждений стоит обратиться еще к одному герою «Начала конца», слова которого еще более раскрывают генезис Второй мировой войны в понимании Алданова. Бывший революционер Вислиценус — резонер Алданова — говорит: «Что же мы сделали, для чего опоганили жизнь и себя? Для чего отправили на тот свет миллионы людей? Для чего научили весь мир никогда невиданному по беззастенчивости злу? Объявили, что все позволено, показали, что все позволено». [4, с. 450]

Алданов, возвращаясь к идее о повторяемости исторических событий, доказывает, что террор унаследован сталинской Россией и гитлеровской Германией раньше начали большевики, и они, по мнению писателя, посредственно виновны в событиях конца 1930-х гг. [8, с. 114].

Подытоживая сказанное, стоит отметить что, Алданов — это великолепный знаток мировой истории, а в романе *Начало конца* в первый раз он пытается осмыслить в художественной

форме современность в предверии Второй мировой войны. Опасаясь придать своему роману слишком субъективный характер, автор, в отличие от своих предыдущих романов, комментирует действительность посредством метафоры. История убийства и раскрытие психологии преступника становятся для Алданова способом для описания опасных тенденций, появляющихся в середине 1930-х гг. Альвера — убийца XX века, не способный к раскаянию, является символом нравственной деградации европейской цивилизации и причиной ее конца. Вдобавок, Алданов ставит тезис, что ответственность за ужас Второй мировой войны несут большевики с Лениным во главе, так как Гитлер и Сталин управляли своими государствами, опираясь на опыт русских революционеров. Название книги Алданова можно понимать как «начало конца культуры и свободы», «начало конца мирной передышки между двумя войнами», «начало конца европейской цивилизации».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамович Г.* Одиночество и свобода. М., 2006.
2. *Алданов М.* Гитлер. http://az.lib.ru/a/alदानow_m_a/text_1936_hitler.shtml (дата обращения 22.01.2015).
3. *Алданов М.* П.П. Муратов «Эгерия». Издательство З.И. Гржебина, 1922. «Современные записки». 1923. Т. XV.
4. *Алданов М.* Начало конца. М., 2012.
5. *Алданов М.* Черный бриллиант (О Достоевском). «Наше наследие». 1989. №1.
6. *Бердяев Н.* Миросозерцание Достоевского [w:] idem. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994.
7. *Вейдле В.* М. Алданов «Бегство». «Современные записки». 1932. Т. XLVIII.
8. *Дронова Т.* Художественное осмысление современности 1930-х годов в романе М.А. Алданова «Начало конца». «Известия Саратовского университета 2011. Т. 11. Сер. «Филология. Журналистика». Вып. 5.
9. *Жильцова Е.* Роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в творческом восприятии И.А. Бунина и А.М. Алданова. «Вестник Новгородского Государственного Университета». 2011. №57.
10. *Грабиньска Г.* Историческая тетралогия Марка Алданова «Мыслитель». Уфа, 2005. С. 85–87; Г. Струве, Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.
11. *Митюрев С.* «Будет, будет великое упрощение!..» (Марк Алданов и Достоевский) // Русская культура XX века. Метрополия и диаспора (Блоковский сборник VIII). Тарту, 1996.

12. *Русское зарубежье и Вторая мировая война*. IV Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 28–29 марта 2011 г.) / сост. Ю. Белякова. М., 2013.
13. *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.
14. *Тассис Ж.* Роман «Преступление и наказание» в двух романах М.А. Алданова // Достоевский и русское зарубежье XX века / ред. Ж. Жакар, У. Шмид. СПб, 2008.
15. *Чернышев А.* Начало Конца, или Пятая печать // М. Алданов, Начало конца. М., 2012.
16. *Dybel P.* Freuda sen o kulturze. Warszawa, 1996.

P. Witczak. Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz (Polska)

The genesis of Second World War in Mark Aldanov's prose

In this article, the author analyzes the motif of genesis of Second World War in Mark Aldanov's novel "The Beginning of the End". The author researches the perception of F. Dostoyevsky's "Crime and Punished" in Aldanov's creativity. The special attention is focused on the characterization of Raskolnikov.

Keywords: M. Aldanov, Russian emigration, Second World War, philosophy of history.

М.А. Галиева
Москва

**ИСКАТЕЛИ «ИНОГО ЦАРСТВА»
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРИОДА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН:
Е.Н. ТРУБЕЦКОЙ, С.А. ЕСЕНИН**

В статье рассматривается творчество С.А. Есенина в контексте фольклорной традиции и русской философской мысли. Проводятся параллели с наследием Е.Н. Трубецкого и поэтикой русской сказки. Снимается вопрос о «вторичности» фольклоризма в раннем творчестве поэта.

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, Е.Н. Трубецкой, С.А. Есенин, сказка, «космическое ограждение».

Начало XX века ознаменовалось активным поиском и выстраиванием нового мира, «инового царства». Поиск этот обусловлен был, с одной стороны, социально-политическими условиями, самим духом и вектором революционного времени, а с другой стороны, личной влекомостью